

ГРЕКИ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В РИМЕ (I в. до н. э.)

В данной статье рассматриваются взаимоотношения интеллектуалов — греков и римлян — где бы они ни происходили. Основное внимание, конечно, уделяется самому городу Риму, но общение римлян с греками в Азии или на Родосе также составляет предмет нашего исследования.

Прежде всего следует отметить, что под греками мы понимаем не только и не столько население Атики и вообще Балканской Греции, греки — это и сирийцы, и египтяне, и лесбосцы, и родосцы, и тарсийцы и другие уроженцы восточной части Средиземноморья. Так называли их сами римляне, не делая между ними различий. Например, они называли греками представителей философских школ в Афинах, несмотря на их этнические различия.

Знакомство Рима с греками и греческой культурой состоялось, очевидно, уже в период войн Рима за обладание Италией. Посредническую роль здесь сыграли города Великой Греции. Основанные на берегах Италии в VII–V вв. до н. э., греческие колонии продолжали быть проводниками греческого влияния и в конце республиканского периода. В раннее же время, когда в сферу римского влияния попали такие значительные греческие города, как Неаполь (греческая колония Партенопоя) в 326 г. до н. э. и особенно Тарент в 272 г. до н. э., можно говорить об определяющей роли этих городов в эллинизации Рима.

Еще в период войны с Пирром римляне знакомятся с греками из материковой Греции. В 280 г. Пирр и Рим обмениваются посольствами. От Пирра в Рим был направлен послом Киней, профессиональный оратор, ученик Демосфена. Он произнес речь в Сенате перед римлянами. Рим же отправил к Пирру Гая Фабриция, который, как пишет Плутарх (Purgh, 18), был приглашен Пирром на пир, где Киней рассказал ему об Эпикуре и его учении. Автор литературной истории Рима Дж. Уайт Дафф¹ замечает, что ни Кинею, ни Фабрицию тогда не понадобился переводчик. Дафф делает вывод о том, что уже тогда римляне имели представление о греческом языке².

Свидетельства о преподавании греческого языка в Риме в последующие десятилетия мы находим у Светония, который пишет про Ливия

¹ *Wight Duff J. A Literary History of Rome from the Origin to the Close of the Golden Age. New York, 1960. P. 74.*

² Однако позже, в 155 г., в римском Сенате будет использоваться переводчик для перевода речей греков-послов.

© А. С. Мельникова, 2003

Андроника и Энния: «Древнейшие ученые, которые в то же время были поэтами и наполовину греками (я говорю о Ливии и Эннии, которые, как известно, учили в Риме и на родине на обоих языках)...» (Suet. De Gramm., 1). Благодаря им были выполнены первые переводы на латынь греческих литературных произведений. Так, Ливий Андроник перевел «Одиссею», которая длительное время использовалась для обучения в римских школах. Они же познакомили римлян с греческой драмой.

Отмечая, что «наука вошла в Рим через дверь медицины»³, Сартон приводит свидетельство о том, что уже в 219 г. до н. э. врач Архагат с Пелопоннеса открыл в Риме лечебное учреждение — *taberna*. Ему было дано римское гражданство, но позже он был обвинен в нечестии, так как больше доверял терапии, чем защите пенатов.

II век до н. э. можно считать веком эллинизации Рима. Значительную роль в этом сыграли Македонские войны, в результате которых в Рим попало множество греческих пленных. В это время в среде римской элиты зарождается движение эллинофильства. Одной из первых ярких фигур здесь был Луций Эмилий Павел. Он привез в Рим для своих сыновей библиотеку царя Персея (Plut. Aem. Paul., 28). Это было первое крупное частное собрание книг в Риме. Оно стало базой учености сыновей Эмилия Павла, в первую очередь Сципиона Эмилиана и его кружка. В Рим стали приезжать греческие учителя. Одним из первых грамматиков, которых называет Светоний, в Риме появился в 169 г. до н. э. Кратес из Мала, прибывший в составе посольства от царя Аталла, но на Палатине он провалился в отверстие клоаки и проболел весь период своего посольства. «... Тут-то он и стал устраивать беседы, без усталости рассуждая, и этим подал образец для подражания» (Suet. De Gramm., 2).

Приблизительно к этому времени относятся и свидетельства о проникновении в Рим первых представителей философских школ. Дж. Уайт Дафф пишет, что время их проникновения в Рим не установлено. Но известно, что уже в 173 г. до н. э. из Рима изгнали эпикурейцев, а в 161 г. до н. э. — всех иностранных риторов и философов⁴. Но уже через несколько лет, в 155 г. до н. э., в Рим прибыло знаменитое философское посольство. Причиной его появления было то, что афиняне разрушили город Ороп на границе Аттики и Беотии и были оштрафованы за это римлянами на 500 талантов. Чтобы избежать уплаты столь большого штрафа, афиняне отправили в Рим послов — глав ведущих философских школ: академика Карнеада, перипатети-

³ Sarton G. A History of Science. Hellenistic Science and Culture in the Last Three Centuries B. C. Canab., 1959. P. 139.

⁴ Wight Duff J. A Literary History of Rome... P. 79.

ка Критолая и стойка Диогена Вавилонского. Сартон отмечает значимость выбора философов в качестве послов, так как всего шесть лет назад они были изгнаны из Рима⁵. Плутарх в биографии Катона описывает пребывание этого посольства в Риме. «Сразу же к ним потянулись самые образованные молодые люди, которые с восхищением внимали каждому их слову. Наибольшим влиянием пользовался Карнеад: неотразимая сила его речей и не уступающая ей молва об этой силе привлекала влиятельных и стремившихся к знаниям слушателей, и его слава разнеслась по всему городу» (Plut. Cat. Maj., 22). Стоит отметить, что речи Карнеада для молодежи, как и беседы с ним, могли быть только на греческом языке, хотя для Сената речи были переведены Гаем Ацилием. Это указывает на уже широкое распространение в Риме греческого языка.

Если верить Плутарху, то в основном римское общество приняло философов благожелательно, и «они с удовольствием глядели на то, как их сыновья приобщаются к греческому образованию и проводят время с людьми, столь высоко почитаемыми». (Plut. Cat. Mai., 22). Слушать философов приходили не только молодые люди, но и образованная римская элита. Квинт Лутаций Катулл в диалоге Цицерона «Об ораторе» говорит, что не раз слышал, как римляне были рады приезду посольства и что члены кружка Сципиона Эмилиана, «которые всегда открыто общались с образованнейшими людьми из Греции . . . и сами эти мужи, да и многие другие были постоянными их слушателями» (Cic. De Orat., I, 37). Оппозицию эллинофильским настроениям представлял Катон. Но, видимо, ситуацию нельзя утрировать так, как это делает Плутарх, выставляя Катона единственным недовольным проникновением греческого влияния. Вероятно, в Сенате преобладали такие же настроения, если в 161 г. он принял закон против философов. Катон был лишь наиболее инициативным из них. Как сообщает Плутарх, он упрекнул Сенат в бездействии и заставил его скорее решить дело в пользу афинян, чтобы «они, вернувшись в свои школы, вели ученые беседы с детьми эллинов, а римская молодежь по-прежнему внимала законам и властям» (Plut. Cat. Mai., 22).

Уже упоминавшийся кружок Сципиона Эмилиана был центром культурной жизни в Риме середины II в. до н. э. Он формировался вокруг Публия Корнелия Сципиона Эмилиана, сына Эмилия Павла. Кроме него в кружок входили представители высшей римской знати: Гай Лелий, Луций Фурий Фил и Спурий Муммий, брат разрушителя Коринфа Луция Муммия, — все отличившиеся на ораторском поприще. Из литераторов в кружок входили Теренций, сатирик Луцилий и греки Полибий и Панэций. Трудно переоценить тех, кто входил в

⁵Sarton G. A History of Science: P. 251.

этот кружок. Все они — значительные фигуры в римской литературной жизни. Склонность Сципиона и его окружения к греческой культуре проявлялась не только в его увлечении греческой литературой, но и во внимании, которое он оказывал попадавшим так или иначе в Рим грекам. Так, он приблизил к себе Полибия, попавшего в Рим в качестве заложника, и Панэция, который оказался в Риме около 144 г. и своей деятельностью, как научной, так и преподавательской, оказал значительное влияние на развитие в Риме стоического движения. Из близких Сципиону Эмилиану лиц учеником Панэция был Гай Фанний, зять Гая Лелия (Cic. Brut., 101).

Впрочем, не был совершенно чужд греческой культуре и ее ярый противник Катон. С одной стороны, по словам Плутарха, он хотел «смешать с грязью всю греческую науку и образованность», насмеялся над Исократом и Сократа считал пустомелей и властолюбцем (Plut. Cat. Maj., 23). С другой стороны, еще в молодости Катон был в Таренте, в войске Фабия Максима, и там слушал пифагорейца Неарха. «Слушая эти речи, — пишет Плутарх, — он еще больше полюбил простоту и умеренность». Уже в старости Катон обратился к греческим авторам и совершенствовал свое красноречие по Фукидиду и Демосфену. На примере Катона хорошо видны два приоритетных направления, которые римляне ценили в греческой образованности в этот период, — это нравственный аспект философии, ее этическую часть, и греческое красноречие. Катон был знаком и с другой греческой литературой, например с «Одиссеей». Он цитирует ее для Полибия, когда тот, ходатайствуя за афинских изгнанников и получив возможность вернуться на родину, предложил отдать грекам и те должности, которые они занимали до этого в Ахайе. Катон сравнил его с Одиссеем, который, забыв в пещере Полифема шляпу и пояс, решил за ними вернуться (Plut. Cat. Maj., 9).

Теперь мы перейдем непосредственно к эпохе конца Республики. Этот период открывается войнами с Митридатом, которые, как и Македонские войны в предыдущую эпоху, явились катализатором греко-римских связей, и завершается с наступлением эпохи Августа, когда в Риме заканчиваются гражданские смуты и он становится привлекательным местом для интеллектуалов восточной части империи.

Культурные центры греческого мира

В I в до н. э. Рим представлял собой центр политической, но не культурной жизни. Центры культурной жизни традиционно находились в греческих областях. Афины в этот период продолжали играть роль культурной столицы. Здесь располагались четыре основных философских школы. Академию в I в до н. э. возглавляли весьма извест-

ные лица: это Филон из Лариссы (110—88 гг.), основатель так называемой 4-й Академии; затем Антиох из Аскалона, основатель 5-й Академии; его брат Арист из Аскалона (68—50 гг.) и Феомнест из Навкратиса (44 г.). Популярность Филона и Антиоха в Риме I в. до н. э. трудно переоценить. Побывав там в разное время, они нашли учеников среди высших слоев римского общества.

Лицей, ведущий свое начало от Аристотеля, возглавляли не менее значительные фигуры. В первой половине I в. до н. э. это Андроник с Родоса, затем Кратипп из Пергама и Ксенарх из Селевкии. Перипатетик Кратипп был одним из самых популярных учителей, которых римляне слушали в Афинах.

Во главе Стои стояли исключительно выходцы из Азии. Из важных для Рима фигур в первой половине I в. до н. э. может быть назван Антипатр из Тира, который умер в 45 г. до н. э.

Наконец, эпикурейцы. Главы этой школы, Федр и Патрон, имели связи с римлянами, в частности с Цицероном.

Афины этого времени играли для Рима роль высшего образовательного центра, причем первого, который посещали римляне за пределами Италии. Расширить образование в Афинах отправляются Атик, Цицерон, Брут, Катон Младший, сын Цицерона Марк и его племянник Квинт. После Афин римляне, как правило, посещали Родос. В рассматриваемый период они учились там у знаменитого стоика Посидония и ритора Аполлония Молона. Можно сказать, что Родос имел в это время для римлян такое же значение, как и Афины.

Посетив Афины и Родос, римляне могли побывать в азиатских городах. Цицерон, завершив обучение в Афинах, отправился в Азию, как пишет Плутарх, слушал там Ксенокла из Адрамития, Дионисия Магнесийского и карийца Мениппа (Plut. Cic., 4). Побывать там собирался сын Цицерона, но ему помешало участие в гражданской войне.

Из азиатских городов Страбон особенно выделяет город Тарс, говоря, что «жители Тарса с таким рвением занимались не только философией, но и другими общеобразовательными предметами, что превзошли Афины, Александрию и любое другое место, какое ни назовешь, где существуют школы и обучение философии» (Strab., XIV, 5.13). Однако, он говорит, что все, кто занимается здесь наукой, — местные уроженцы, что необычно, поскольку в Афинах это были в основном иностранцы. Об том же пишет и Цицерон: «В Афинах наука давно исчезла между самими афинянами; их город остается лишь местом научных занятий, коим граждане чужды и коими увлечены лишь чужеземцы, плененные, так сказать, именем и славою города...» (Cic., De Orat., III, 42). В Тарс же иностранцы приезжали неохотно. Но отсюда вышло много стоических философов, например Зенон из Тарса, уче-

ник Хрисиша, Антипатр из Тарса (умер в 125 г.), Архедем из Тарса, учитель Панэция и т. д.⁶ Страбон пишет о том, что в Тарсе было много школ риторики. Таким образом, это был важный культурный центр, из которого произошло, пожалуй, наибольшее число образованных греков, посетивших Рим. «Рим как раз такой город, который может дать нам представление о множестве ученых из Тарса; и действительно, он полон тарсийцами и александрийцами» (Strab. XIV, 5.15).

Сообщение Страбона о том, что Рим был полон александрийцами, особенно примечательно, ибо конкретные люди, приехавшие в Рим из Александрии, нам известны только начиная со времени Августа. Римская молодежь также, по-видимому, не особенно интересовалась Александрией как местом возможного получения образования (Strab. XIV, 5.15).

Центром греческой культуры на Западе была Массалия, которая, будучи основанной греками — фокейцами, осталась греческим городом. Да и жившие здесь галлы были сильно эллинизированы. В этом образовательном центре учились в основном галлы, но не только. Страбон пишет: «Хотя город только недавно стал школой воспитания варваров, он обратил галатов в таких друзей эллинизма, что те составляют даже свои документы на греческом языке; в настоящее же время город склонил знатнейших римлян, стремящихся к знанию, приезжать сюда для учения вместо путешествия в Афины» (Strab. IV, 1.6).

Центры греческой жизни находились и в самой Италии. Города юга Италии во многом сохранили еще свое греческое устройство, оставаясь для Рима проводниками греческой культуры и в I в. до н. э.⁷ Наиболее эллинизированными городами, как отмечает Т. Моммзен, были Тарент, Регий, Неаполь и Локры⁸. Они не были всемирно известными философскими или риторическими центрами, но отличались тем, что римляне искали и в Афинах, и на Родосе, — особой атмосферой греческой жизни. Как пишет Г. Бауэрсок, «состоятельный римский юноша мог провести праздники в Неаполе, говоря по-гречески и даже нося греческую одежду»⁹. В этих городах устраивали греческие игры, которые постепенно приобретали общеэллиническое значение, и уже при Августе начинали оспаривать популярность у игр в самой Греции (Strab., V, 4.7). Особенно популярным центром греческой жизни был Неаполь. «Приезжавшие сюда на отдых из Рима поддерживали в Неаполе греческий образ жизни; это — люди, нажившие средства обучением юношества, и другие лица, жаждущие спокойной жизни по старости или

⁶ Целлер Э. Очерк истории греческой философии. СПб., 1996. С. 177.

⁷ Lotas K. Rome and Western Greeks 350 BC–AD 200. London, 1993. P. 110.

⁸ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. СПб., 1994. С. 296.

⁹ Bowersock G. Augustus and the Greek World. Oxford, 1965. P. 63.

по болезни. Некоторые римляне также находят удовольствие в подобном образе жизни и, вращаясь среди массы людей одинакового с ними культурного уровня, поселяются здесь, привязываются к этому месту и с радостью избирают его своим постоянным местопребыванием» (Strab., V, 4.7).

Неаполь был очень важен для образованных римлян. Здесь они приобретали виллы. К. Ломас называет это «феноменом неаполитанского залива»¹⁰. Первым приобрел виллу в Латерне Сципион Африканский (ее описывает Сенека, жалуясь на ее скромность и даже убогость — Sen. Ep. 86.4), в более позднее время — Помпей, Цицерон, Варрон. Сулла, Марий, Цезарь имели виллы в районе Неаполя. Диалоги Цицерона воспроизводят царивший там дух эллинистической жизни.

Дав описание основных культурных центров греческого мира, мы можем перейти непосредственно к наиболее популярным фигурам греков-интеллектуалов, жизнь которых была так или иначе связана с Римом.

Фигуры наиболее популярных в Риме греков

Начало I в. до н.э. связано в римской истории с Митридатовыми войнами. Они одновременно привели знатных римлян в Грецию и Азию, а греков — в Рим в качестве пленников или беглецов. Таким образом, многие из греков в этот период оказались в Риме и дали импульс развитию римской культуры. Кроме того, в Рим попали и многочисленные художественные и культурные ценности, захваченные римлянами в Греции и Азии, в том числе библиотека Аристотеля и Феофраста. Страбон рассказывает историю этой библиотеки. Аристотель передал свою библиотеку Феофрасту, который оставил ее своему ученику Нелею. Тот увез ее в город Скепис в Пелопоннесе и оставил наследникам, людям, далеким от учености. Когда они узнали, что для Пергамской библиотеки разыскивают книги, они спрятали их в яму. Книги были испорчены сыростью и червями. Затем их продали Апелликонту с острова Теоса, который пытался их восстановить, дополняя на свое усмотрение, и таким образом опубликовал их с большим количеством ошибок. Когда же Сулла захватил Афины в 86 г., он увез библиотеку Апелликонта в Рим.

В каком виде библиотека прибыла в Риме — неизвестно. Публичные библиотеки были организованы в Риме только при Августе, но римляне могли открыть доступ и в свои частные библиотеки. Видимо, Сулла ее не открыл, так как грамматик Тираннион получил доступ

¹⁰ Lomas K. Rome and Western Greeks. . . P. 111.

к этой библиотеке лишь «благодаря заискиваниям перед библиотекарем», как пишет Страбон (Strab., XIII, 1.54). То же самое делали и книготорговцы, которые переписывали книги для продажи, не выверяя рукописи. Тираннион же, как отмечает Плутарх, многое привел в порядок, а Андроник с Родоса, возглавлявший в то время перипатетическую школу в Афинах, составил к книгам указатель и издал их. С этого времени ученому миру стало доступно собрание Аристотеля (Plut., Sul., 26).

Грамматик Тираннион попал в Рим обычным для того времени путем, в качестве пленного, когда в 71 г. Лукулл, в ходе очередной войны с Митридатом, взял г. Амис. Плутарх пишет, что Тиранниона выпросил себе Мурена и затем отпустил его на волю. Лукулл же «не хотел, чтобы такому человеку, высоко почитаемому за свою ученость, пришлось стать сначала рабом, а потом вольноотпущенником: подарить ему мнимую свободу означало отнять настоящую» (Plut., Luc., 19).

Тираннион занимался в Риме обработкой греческих рукописей. Работал он и над библиотекой Цицерона, который пишет, что Тираннион составил удивительный перечень его книг. Цицерон просит Аттика прислать переписчиков, которых Тираннион мог бы использовать как клейщиков и помощников в составлении ярлыков (Cic. Ep. CIX,1).

Лукулл также собрал во время путешествия по Азии множество рукописей. Как указывает Плутарх, он предоставил свои книгохранилища всем желающим, в том числе и попавшим в Рим грекам (Plut. Luc., 42). Лукулл имел с ними обширные связи. «Для всех греков, приезжавших в Рим, его дом был родным очагом и эллинским притаенем», — пишет Плутарх (Plut. Luc., 42). Греки с удовольствием посещали его библиотеки и проводили время в совместных беседах. Лукулл приглашал греков и на обеды, говоря при этом: «Кое-что из этих расходов делается и ради вас, достойные греки. Но большая часть — ради Лукулла» (Plut. Luc., 41).

С Лукуллом в Риме находились в дружбе и два попавших сюда во время Митридатовых войн философа: Филон из Лариссы и Антиох из Аскалона. Оба они в разное время возглавляли Академию: Филон до 88 г., когда, спасаясь от разорившего Афины Митридата, он вместе с другими афинянами бежал в Рим. За ним последовал и Антиох. В Риме они воспитали целое поколение любителей платоновской философии. Их учениками были: Лукулл, Цицерон, Варрон, Атик, Брут и др. Воззрения их были различны. Филон, в отличие от предшествовавшего ему Карнеада, не отрицал возможность постижения истины и «искал чего-то среднего между вероятностью и знанием»¹¹. Отойдя от всеобщего отрицания, Филон разрабатывал этическое учение. Ан-

¹¹ Целлер Э. Очерк истории. С. 210.

тиох же более резко порвал с учением Карнеада: «Антиох ввел Стою в Академию, так что о нем говорили, что он философствует как стоик» (Sext. Emp. Rugg., I, 220, 235). Считали, что Антиох возвратился к Древней Академии, как Плутарх (Luc., 42), и стал стоиком, как Цицерон: «Антиох, которого звали академиком, если и изменил что-то немного, то все равно остался настоящим стоиком»¹².

Ученики Антиоха и Филона в Риме противостояли друг другу. Еще когда сам Антиох был в Риме, Лукулл, как отмечает Плутарх, «приложил немало стараний, чтобы сделать Антиоха своим другом и постоянным сотрапезником, и выставлял его на бой против последователей Филона» (Plut. Luc., 42). Приверженцем Филона был Цицерон, который слушал его в Риме, так как, по словам Плутарха, «среди последователей Клитотоха он больше всех внушал римлянам восхищение и любовь не только своим учением, но и нравом» (Plut. Cic., 3). Сам Цицерон пишет об этом в своем диалоге «Брут»: «Тогда же в Рим прибыл глава Академии Филон, бежавший с лучшими из афинян из отечества во время войны с Митридатом, и я целиком вверился ему, движимый необыкновенной любовью к философии. Разнообразие и величие философских предметов доставляли мне высочайшее удовольствие» (Cic., Brut., 306). Однако Цицерон слушал и Антиоха. Как он сам пишет, «по прибытии в Афины, я шесть месяцев слушал Антиоха, славнейшего и разумнейшего философа Старой Академии» (Ibid., 315). Но, хотя Цицерон и восхищался красотой слога Антиоха, но он не одобрял те перемены, которые тот произвел в основах учения, отойдя от Карнеада, и его более привлекали взгляды противников Антиоха (Plut. Cic., 4). В 45 г. Цицерон написал «Академическое сочинение», где излагал точки зрения Антиоха и Филона. В начале Цицерон вложил их в уста Катутлла, Лукулла и Гортензия (Cic. Ep. Att., XIII, 19.5). Можно предположить, что Лукулл излагал точку зрения Антиоха. Но как раз в это время Варрон пожелал, чтобы Цицерон изобразил его в своем сочинении, и Цицерон наделил его взглядами Антиоха: «Это более всего подходит к тому роду философии, которым он, мне кажется, больше всего восхищается» (Ibid., Att., XIII, 16.1). Варрону он пишет: «Итак, я сочинил беседу между нами, происходящую в кумской усадьбе, когда вместе с нами был Помпоний. Тебе я предоставил точку зрения Антиоха, которую ты одобряешь, как я, мне казалось, понял; себе я взял точку зрения Филона» (Ibid., Fam. IX, 8.1). О том, что Варрон учился у Антиоха вместе с Цицероном, пишет Августин (De Civ. Dei, XIX,3). Однако, когда Варрон засомневался, Цицерон собирался приписать эту точку зрения Бруту,

¹²Цит. по: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. СПб., 1994. С. 204.

«ведь и он последователь Антиоха» (Cic. Ep., Att., XIII, 25).

Плутарх указывает, что Брут был поклонником Древней Академии и «неизменно восхищался Антиохом из Аскалона, однако же другом себе избрал его брата Ариста» (Plut., Brut, 2). Арист возглавлял Академию после смерти Антиоха. Таким образом, Антиох и Филон оказали значительное влияние на умы римлян, приобретя в Риме множество как сторонников, так и противников.

Наиболее влиятельным стоиком среди римской элиты был условно Посидоний. Большую часть своей жизни он провел на Родосе. Посидоний поддерживал отношения с образованными римлянами. Учиться у Посидония приезжали многие, в том числе и Цицерон (Plut., Cic., 4). Впоследствии Цицерон переписывался с Посидонием и послал ему написанное на греческом языке сочинение о своем консульстве. Он хотел, чтобы Посидоний написал об этих событиях более изящно, но тот ответил, что чтение воспоминаний «не только не побудило его к писанию, но даже совсем устрало» (Cic. Ep. XXVII, 2). Посидоний приезжал в Рим, видимо, дважды. Плутарх пишет в биографии Мария, что Посидоний приезжал к нему незадолго до смерти Мария, т. е. около 86 г., чтобы побеседовать «о делах своего посольства» (Plut. Mar., 45). Возможно, Посидоний и преподавал в Риме. Из истории философского посольства 155 г. и истории Кратеса из Маллы мы знаем, что греки, приезжавшие в Рим в качестве послов, параллельно успевали заниматься и преподаванием.

Слушал Посидония на Родосе и Помпей. Плутарх пишет, что Помпей, возвращаясь из Сирии, заехал на Родос и там слушал выступление всех софистов. Посидоний читал в присутствии Помпея лекцию «Об изобретении вообще» и записал ее (Plut., Pomp., 42). Цицерон же в «Тускуланских беседах» описывает эту встречу иначе (или речь идет о другой встрече). Посидоний был болен, у него невыносимо болели суставы. Помпей пришел к нему и сказал, как ему жаль, что он не может услышать речи философа. На что Посидоний ответил: «Уж ты-то можешь их послушать — я не допущу, чтобы столь видный муж пришел ко мне понапрасну». И Посидоний стал рассуждать о том, что нет блага, кроме чести (Cic. Tusc., II, 61). Однако наряду с тем, что Посидоний был ведущим стоиком своего времени и ученым, которого отличала широчайшая область интересов (Целлер указывает, что он владел всем знанием того времени¹³), он еще и обладал прекрасным риторическим стилем. Сартон считает, что его влияние было обусловлено «скорее риторическим мастерством, чем научной проницательностью и глубиной его философии»¹⁴.

¹³ Целлер Э. Очерк истории... С. 209.

¹⁴ Sarton G. A History of Science... P. 147.

Возглавлявший в это время перипатетическую школу Кратипп, хотя и являлся менее влиятельной фигурой и, скорее всего, не был в Риме, все же пользовался у римлян определенной популярностью. У него обучался философии Гай Марцелл, когда находился в изгнании после битвы при Фарсале (Cic. Brut., 250). Кратипп тогда преподавал в Митилене. Брут говорит Цицерону в диалоге «Брут», что «после его обучения у Кратиппа, ученейшего человека, и, видимо, твоего большого друга, он кажется мне еще более похожим на тебя всем обилием своих занятий» (Ibid). Кратипп виделся и с Помпеем, когда тот приехал на Лесбос после поражения при Фарсале. Он специально пришел к Помпею из города и, «согласившись с его доводами, пытался внушить ему лучшие надежды», т. е. пытался ободрить его (Plut., Pom., 75). Наконец, Кратипп должен был сопровождать сына Цицерона в поездке по Азии, которую он хотел совершить после обучения в Афинах (у того же Кратиппа). Гай Требоний, наместник Азии, пишет Цицерону: «Я позаботился также о том, чтобы Кратипп был вместе с ним, дабы ты не считал, что в Азии он будет свободен от тех занятий, к которым его побуждают твои советы» (Cic. Ep. Fam., XVI, 21.2).

Однако греческое влияние в Риме, естественно, не ограничивалось областью философии. Первая половина I в. до н. э. — это расцвет в Риме александрийской учености, развивавшейся в кружке Катулла. Логично предположить, что кружок любителей греческой поэзии поддерживал какие-то отношения с греками. И хотя традиция не свидетельствует об обширных греческих связях этих поэтов, у нас есть информация, по крайней мере, об одном греке, входившем в этот кружок. Это Парфений. Он был уроженцем города Никеи в Вифинии и попал в плен к римлянам в ходе войны с Митридатом¹⁵. Об этом пишет Свидя. Он сообщает, что в Риме Парфений попал к Цинне, который, возможно, был отцом Гая Гельвия Цинны, известного поэта. Парфений был отпущен как учитель греческого языка и, по свидетельству Свиды, дожил до времени Тиберия, что, впрочем, достаточно легко опровергается невозможностью такого долгожительства. Парфений приобрел известность среди неотериков, позже он обучал греческому Вергилия, как отмечает Макробий. Хотя от Гельвия Цинны, приятеля Катулла, дошло лишь несколько фрагментов, считают, что у Цинны можно заметить заимствования из Парфения¹⁶. Влияние Парфения обнаруживается и в работах Лициния Кальва, и в стихах Катулла. Возможно, он влиял и на других поэтов. Существует точка зрения, согласно которой Парфений принес в Рим поэтическую традицию Каллимаха и

¹⁵ Ярхо В. Н. Парфений и его сборник // ВДИ. 1992. № 1. С. 252–256.

¹⁶ Wiseman T. P. Cinna the Poet and other Roman Essays. Cambridge, 1974. P. 46–58.

Эвфориона. Т. П. Вайзмен считает, что Цинна один из старших представителей этой школы поэтов был не только патроном, но и учеником Парфения.

Примером того, как Парфений мог воздействовать на римских поэтов, служит его сочинение «О любовных страстях», посвященное Корнелию Галлу, соученику Октавиана и другу Вергилия. В этом сочинении содержится 36 коротких новелл на сюжеты о любви, которые Галл, писавший любовные элегии, должен был переложить на стихи. «И уже самому тебе представляется возможность переложить гекзаметром или дистихами те истории, какие ты сочтешь наиболее подходящими» (Parth., 2).

Кроме Парфения в римские поэтические круги входили и другие, например, А. Лициний Архий. Он был родом из Антиохии, посетил города южной Италии: Тарент, Регий, Неаполь, где получил права гражданства, а с 102 г. поселился в Риме. Здесь он нашел влиятельных покровителей среди римской знати. Цицерон пишет, что «Лукуллы тотчас приняли его в свой дом» (Cic., Pro Arch., 5). Как мы уже отмечали, дом Лукулла был всегда открыт для греков. Цицерон говорит о круге общения Архия: «Он пользовался расположением знаменитого Кв. Метелла Нумидийского и сына его Пия; его слушал Марк Эмилий; он общался с Квинтами Катулами, отцом и сыном, пользовался уважением Лициния Красса» (Pro Arch., 6). Все это образованные римляне из высшей знати. Кв. Метелл Нумидийский в 100 г. уехал в изгнание на о. Родос и «жил там жизнью философа», как пишет Плутарх (Plut. Mag., 29). В изгнании его сопровождал Л. Элий Стиллон, величайший римский грамматик и антиквар, учитель Варрона и Цицерона (Suet. De Gramm., 3).

Архий сопровождал М. Лукулла в Сицилию, а на обратном пути посетил Гераклею и получил там права гражданства. Так как в 89 г. был принят закон о предоставлении прав римского гражданства жителям союзных городов, Архий обратился к одному из своих патронов, Кв. Метеллу Пию, тогда претору, с просьбой предоставить ему права римского гражданства и получил их. В 80–70 годах Архий сопровождал Л. Лукулла в его поездке по Азии и не присутствовал в Гераклею во время цензов. По этой причине в 62 г. он был обвинен в незаконном присвоении прав римского гражданства. Защиту его взял на себя Цицерон и успешно завершил ее. Архий отблагодарил своих покровителей, сочинил для Лукуллов поэму и собирался написать сочинение в честь Метеллов. Цицерон пишет об этом так: «...он, сочинив для Лукулла поэму на греческом языке, теперь смотрит в сторону Цецилиевой драмы» (Cic., Ep. XXII, 15). Однако о Цицероне Архий ничего не написал (Ibid.). Трудно говорить о связи Архия с кружком нео-

териков, его эпическое творчество вряд ли пользовалось у них популярностью. Во всяком случае в римском обществе были возможности общения с греческими поэтами. Цицерон упоминает еще одного греческого поэта Фила, который долго жил в Риме, но покинул Цицерона в 61 г. (Ibid.).

Наиболее важной областью греческого влияния была, естественно, риторика. Риторика и философия находились в состоянии острой конкуренции. «Легко понять, — пишет М. Л. Гаспаров, — что из этой толпы римских учеников, нахлынувших на Грецию, десятки и сотни шли в обучение к риторам и лишь единицы — к философам»¹⁷. Впрочем, и к философам римляне шли в поисках красоты слога. Так, Антиох и Посидоний были любимы за свой ораторский дар. А Филон даже «ввел обычай в одни часы учить риторике, в другие — философии» (Cic. Tusc., II, 9). Цицерон и его окружение также следовали этому правилу: «... до полудня упражнялись в красноречии, а после полудня спускались в свою Академию» (Ibid.). И все же огромной популярностью пользовались профессиональные риторы. В этом отношении у римлян был большой выбор. Но безусловно первым среди них был Аполлоний Молон. Он преподавал на Родосе, но прибыл туда позже Посидония (Strab., XIV, 2). До этого он, видимо, преподавал в Риме, где его слушал Цицерон (Cic. Brut., 307). Причем Молон приезжал в Рим дважды, так как Цицерон пишет, что он опять слушал Молона, когда при диктатуре Суллы он приезжал в Сенат послом по делу о вознаграждении родосцев (Ibid., 312). В 78 г. Цицерон еще раз слушал его уже на Родосе. «Это был превосходный судебный оратор, выдающийся писатель и наставник, способный не только подмечать и указывать недостатки, но и руководить образованием и обучением. Он старался, сколько можно было, умерить мое расплывчатое словобилие — это следствие некой юношеской безудержности и вольности и ввести мое полководье в твердые берега» (Ibid., 316). Молон придерживался взглядов, граничащих с атицизмом, с одной стороны, и азианизмом — с другой. Если Цицерон в «Бруте» писал о достаточно критическом отношении Молона к его речам, о его способности указывать на недостатки, то версия Плутарха представляет собой исключительно восхваление Цицерона. Он отмечает, что Молон не знал латыни и Цицерон произносил перед ним речь по-гречески. Прослушав речь, Аполлоний «погрузился в тревожные думы», а когда Цицерон опечалился, Аполлоний сказал: «Тебя, Цицерон, я хвалю и твоим искусством восхищаюсь, но мне больно за Грецию, когда я вижу, как единичные наши преимущества и последняя гордость — образованность и красно-

¹⁷ Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994. С. 16.

речие — по твоей вине тоже уходят к римлянам» (Plut., Cic., 4). Возможно, это версия из источника более позднего времени, когда Цицерон уже стал культовой фигурой. Молона на Родосе слушал и Цезарь (Plut., Ces., 3).

По биографии Цицерона можно судить об огромном числе ораторов, вышедших из Греции. Цицерон слушал многих из них: Деметрия Сира — в Афинах (Cic., Brut., 315; он, видимо, преподавал аттическое красноречие); Мениппа Стратоникейского, которого Цицерон считал самым красноречивым человеком во всей Малой Азии; знаменитого Ксенокла из Адрамиттия (Plut. Cic., 4; Cic. Brut., 316), который, как пишет Страбон, «даже произнес в Сенате речь в защиту провинции Азии, когда ее обвиняли в приверженности к Митридату» (а значит, посещал Рим) (Strab., XIII, 2.66). Кроме того, Цицерон слушал Эсхила Книдского (Cic. Brut., 316) и Дионисия Магнесийского (Plut. Cic., 4).

Греческое окружение представителей римской знати

Итак, образованные римляне общались с греками в период своего обучения и не упускали возможности послушать их в Риме, когда они туда попадали. Многие, как Лициний Архий и Антиох, находили себе в Риме покровителей из высших слоев общества. Если судить по «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха, то практически каждый высокопоставленный римлянин имел несколько греков в своем окружении. Теперь мы можем на примерах рассмотреть, каковы были отношения римлян с греческими интеллектуалами.

Греческая образованность в I в. до н. э. уже прочно вошла в систему ценностей римлянина (о некоторых особенностях отношения к греческой образованности мы скажем позже). Плутарх упоминает только один исключительный случай — Мария, который так и не обучался греческим наукам (Plut. Mar., 2). Большинство римлян посещало ученых-греков в Греции и Азии, но еще охотнее они принимали их в Риме, где греки как бы входили в их свиту. Так, например, Красс, будучи поклонником Аристотеля, имел при себе преподавателя Александра, который, живя при известном своим богатством Крассе, отличался неприязнательностью. Так, Александр, сопровождая Красса в путешествиях, получал в дорогу кожаный плащ, который он отдавал обратно по возвращении (Plut. Crass., 3).

Помпей, посещая главные культурные центры в Азии, на Родосе и в Афинах, везде пытался привлечь к себе внимание ученых-греков денежными подарками. Мы уже говорили, что он слушал Посидония и общался с Кратиппом. В свите Помпея постоянно находился грек, Феофан из Митилены. Страбон пишет, что Феофан занимал на Lesbos государственные должности и, став другом Помпея, «помог ему

успешно завершить все его предприятия» (Strab. XIII, 2.3). Считают, что Помпей встретил Феофана в 67 г., во время своей кампании против пиратов, когда Лесбос, возможно, служил ему морской базой¹⁸. Страбон же пишет, что Феофан возвысил свою родину через Помпея (Ibid.), и, действительно, Помпей объявил Митилены свободным городом, чтобы угодить Феофану (Plut. Rompr., 42). Помпей дал Феофану права гражданства (Cic. Arch., 24). Феофан вознаградил Помпея, описал его деяния в своем историческом сочинении (Ibid.). Сохранилось несколько фрагментов его истории. На нее ссылается Плутарх (Plut. Rompr., 37).

В Риме Феофан не столько занимался наукой и преподаванием, сколько участвовал в политических интригах. Он постоянно влиял на политику Помпея и сопровождал его до последней битвы при Фарсале. Именно Феофан посоветовал Помпею ехать затем в Египет, а не отдавать себя в руки парфян (Ibid., 76). После гибели Помпея Феофан вернулся на Лесбос и, как предполагает В. Андерсон, впоследствии мог участвовать в действиях Брута и Кассия¹⁹. «Умершему Феофану греческое подобострастие воздало божеские почести», — пишет Тацит (Tas. Ann., 6,18). Дети и внуки Феофана также стали видными персонами в римской истории. Так, его сын, Помпей Макр, был прокуратором Азии (Strab. XIII, 2.3), и ему было поручено Августом устройство библиотек (Suet. Jul., 56,7). Сын Помпея Макра, его внук и внучка, Помпея Макрина, пострадали от репрессий при Тиберии, «они были виновны лишь в том, что некогда Гней Великий считал их прадеда Феофана из Митилен одним из своих ближайших друзей» (Tas. Ann., 6.18).

Кроме Феофана во всех походах сопровождал Помпея его вольноотпущенник Леней, который после смерти Помпея открыл в Риме грамматическую школу в Каринах. Он поссорился с историком Саллюстием, который написал, что Помпей был с виду скромн, а в душе бесстыден (Suet. De Gramm., 15).

В свите Помпея долго состоял и Никий Курций, грамматик, написавший книгу о Луцилии (Ibid., 14). Но Помпей выгнал его из дома за то, что тот передал его жене любовную записку от Гая Меммия. Впоследствии Никий был близок к Цицерону, часто бывал у него в гостях. Цицерон писал Аттику, что рад был бы наслаждаться образованностью Никия, но его изнеженность и весь образ жизни претили Цицерону, и он говорил, что Никий будет ему в тягость (Cic. Ep. Att., XII, 26,2). Но Никий все-таки продолжал приезжать (Ibid., Att., XII, 51,1).

¹⁸ Anderson W. S. Pompey, His Friends and the Literature of the First Century B. C. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 35.

¹⁹Ibid. P. 41.

Цицерон с детства привык к обществу греков. В молодости он занимался у стоика Диодота, который жил в доме Цицерона, где и умер в 59 г., оставив Цицерону наследство (Ibid., 47, 6). «С ним я, помимо других занятий, упражнялся очень усердно в диалектике» (Cic. Brut., 309). С Диодотом был знаком и Атик, в письме к которому Цицерон называл его «наш Диодот» (Cic., Fam., IX, 4). Впрочем, ученые связи Атика, были, видимо, еще шире, чем у Цицерона. Вернувшись из Греции, где он обучался, Цицерон вел созерцательную жизнь ученого человека, «постоянно бывал в обществе ученых греков и усердно занимался науками» (Plut. Cic., 3). Он настолько ассоциировался в Риме со своим греческим окружением, что часто слышал от римской черни возгласы вслед: «Грек!», «Ученый!». Плутарх пишет, что это обычные для римской черни бранные слова (Plut. Cic., 5). Цицерон и декламировал в это время по-гречески, чтобы его могли понять греческие риторы, у которых он учился (Cic. Brut, 310). Очень много времени Цицерон проводил в своих поместьях в окрестностях Неаполя и Помпей, «окружив себя учеными греками и римлянами» (Plut.Cic.,8). Мы уже отмечали важность этого региона для любителей эллинистического образа жизни.

Цицерон также имел друзей среди греческих актеров и, как пишет Плутарх, учился «игре», т.е. умению двигаться и жестикулировать во время декламации, у известных актеров-греков: комика Росция и трагика Эзопа (Ibid., 5). О том, что Эзоп был его другом, Цицерон пишет в письмах (Cic. Ep. LIII, 14).

Находясь в Киликии в качестве наместника, Цицерон общался с местными интеллектуалами, приглашал их к своему столу (Plut. Cic., 36). Не все допускали греков за свой собственный стол, как Цицерон. Так, Цезарь в провинции приказывал накрывать два стола: «... за одним возлежали гости в воинских плащах или в греческом платье, за другим гости в тогах ...» (Suet.Jul.,48,1). Август не допускал за свой стол вольноотпущенников (Suet. Aug., 74).

В 51 г., возвращаясь из провинции, Цицерон посетил Афины и Родос, где встречался со знаменитыми учеными и «живо и любовно вспоминал прежние занятия и забавы» (Plut. Cic., 36). Цицерон был в Афинах вместе с братом Квинтом. Сам он жил тогда у Ариста, главы академической школы. Брату он уступил Ксенона, эпикурейца и друга Атика. Цицерон благодаря своей дружбе с Атиком, считавшим себя эпикурейцем, был знаком и с многими афинскими эпикурейцами. С главой эпикурейской школы Федром он познакомился в Риме еще в детстве и до своего знакомства с Филоном очень уважал его как философа (Cic. Ep. CXCVIII, 2). Федр свел Цицерона с эпикурейцем Патроном, с которым у Цицерона были «самые лучшие отношения,

если не считать полного разногласия в философии» (Ibid.). Цицерон помог Патрону получить в собственность развалины дома Эпикура. Участок, на котором они находились, принадлежал Гаю Меммию Гемелу, который собирался там воздвигнуть свои постройки. Патрон воспользовался присутствием Цицерона в Афинах и обратился к нему за помощью. Цицерон пишет Меммию: «Он говорит о своей обязанности соблюдать честь, долг, оберегать силу завещания, авторитет Эпикура, уважение к просьбам Федра, местопребывание, жилище и предметы, оставшиеся после величайших людей» (Ibid., 4).

Из прочих значительных римлян всегда был окружен греческими философами Катон Младший. Об этом свидетельствует Плутарх, говоря о ночных обедах Катона, когда он «до рассвета сидит с философами над чашею вина» (Plut. Cat. Min., 6). На этих обедах обсуждались вопросы разных философских систем, поскольку собирались приверженцы различных философских школ. «После обеда, за вином, пошел ученый и приятный разговор, один философский вопрос сменялся другим, пока, наконец, беседующие не коснулись одного из так называемых „странных суждений“ стоиков, а именно — что только порядочный, нравственный человек свободен, а все дурные люди — рабы. Когда перипатетик, как и следовало ожидать, стал оспаривать это суждение, Катон резко, суровым тоном его прервал. . . » (Plut. Cat. Min., 67). Катон был приверженцем стоической философии. Его поведение объясняется тем, что это последний обед перед его самоубийством. О том, что философы постоянно находились в свите Катона, можно судить по следующему сообщению: Катон, «забрав с собою книги и философов, отправился в Луканию, в свои поместья» (Ibid., 20). Катона окружали знаменитые стоики — Антипатр Тирский и Афинодор Пергамский. Антипатр из Тира ввел Катона в мир стоической философии, уделяя особое внимание разделам о нравственности и государстве, так как они более всего привлекали Катона (Ibid., 4). Из сочинений Антипатра нам известны трактат «Об обязанностях» (на него ссылается Цицерон в своем сочинении с таким же названием) и сочинение с характерным для стоиков названием «О мире». Умер он в Афинах, вскоре после 44 г. (Cic. De off. II, 86).

Афинодор Пергамский попал в Рим благодаря Катону. Плутарх пишет, что Катон узнал об Афинодоре и пожелал его вызвать, но поскольку Афинодор был стар и недоверчив, Катон приехал к нему сам, одолел его в споре и, таким образом уговорив, увез с собой в Рим (Plut. Cat. Min., 10). В Риме Катон все время проводил в обществе Афинодора (Ibid., 16). Этого же Афинодора упоминает и Страбон, называя его Афинодором из Тарса (Strab., XIV, 6,14). Скорее всего, этот философ происходил из Тарса, но затем жил в Пергаме, где, как пишет Дио-

ген Лаэртский, он заведовал Пергамской библиотекой (Diog. Laert., VII, 34). Диоген пишет, что Афинодор поработал там над трудами Зенона и опустил все места, которые казались ему неудачными, но потом Афинодора уличили в этом и опущенные фрагменты восстановили.

В последние годы жизни Катона ему сопутствовали два философа — стоик Деметрий и перипатетик Аполлонид. Катон обращался к ним за помощью, когда нужался в их силе убеждения. Плутарх рассказывает, как некий молодой человек, Стасилий, решил подражать твердости Катона и не захотел бежать из Утики, когда к ней приближался Цезарь, а остался вместе с Катоном. Катон долго пытался убедить его уехать, но, исчерпав свои силы, он обратился к Аполлонида со словами: «Ваше дело — сломить этого гордеца и направить его на путь собственной пользы», приглашая их, таким образом, сыграть роль психоаналитиков. Они же пытались остановить Катона, решившегося на самоубийство, но не добились ничего, кроме обещания «решить так, как ему советуют его философские принципы, которых придерживались и они». Однако если Катона им убедить не удалось, то после его смерти они с большим усердием взялись за Статилия и, когда он хотел покончить с собой, «философы помешали ему исполнить задуманное» (Plut. Cat. Min., 73).

Греками были окружены Брут и Кассий. Еще в детстве они учились у грамматика Стаберия Эрота (Suet. De Gramm., 13). Затем, естественно, обучались в Афинах, где Брут слушал Антиоха и Ариста (Plut. Brut., 2). Кассий, видимо, слушал Патрона, поскольку Плутарх свидетельствует, что он был эпикурейцем (Plut. Ces., 66). Но и в дальнейшем Брут и Кассий продолжали поддерживать отношения с греками. Так, они сблизились с Артемидором Книдским, ритором и знатоком греческой литературы (Plut. Ces., 65), который даже оказался посвящен в их заговор и пытался предупредить Цезаря (Ibid.). Напротив, эпикурейца Статилия Брут не посвятил в заговор, ибо тот заявил, что «человеку разумному и здравомыслящему не должно подвергать себя опасности ради порочных и безрассудных». Но Брут по крайней мере собирався привлечь и его (Plut. Brut., 12).

В сражении при Филиппах в окружении Брута находился грек Стратон, с которым Брут подружился еще во время совместных занятий красноречием (Plut. Brut., 52). После победы Октавиана Стратон был прощен и вошел в его окружение, где «в числе других греков исполнял все его поручения» (Ibid., 53).

Итак, мы рассмотрели взаимоотношения греческих и римских интеллектуалов в эпоху конца Республики. Теперь следует сделать несколько общих выводов.

*Восприятие греков и греческой культуры
в римском обществе*

В I в. до н. э. греческое образование прочно утвердилось в римской системе ценностей. Это проявлялось в первую очередь в широком распространении греческого языка. Как мы уже говорили, то, что Марий не знал греческого, было исключительным случаем. Н. Р. Шопина пишет, что греческий был в Римской империи языком международного общения²⁰. Латынью владели только на территории Италии. Даже образованные греки, как правило, не говорили на латинском языке. Это видно на примере Плутарха, который решил выучить латинский язык уже под старость и писал, что это давалось ему с трудом (Plut. Dem., 2). Когда Плутарх преподавал в Риме, многочисленные занятия не оставляли ему времени для изучения языка. Преподавал он на греческом. Греческий ритор Аполлоний Молон тоже не владел латынью, и Цицерон произносил перед ним речь по-гречески. Да и сам Цицерон отмечает, что он чаще декламировал по-гречески, чтобы его могли понять и поправить выдающиеся греческие риторы (Cic. Brut., 310). Таким образом, языком общения образованных греков и римлян был греческий. Римляне часто использовали греческий и в общении друг с другом. Крылатые выражения, цитаты из авторов, эффектные фразы они любили произносить по-гречески. Так, во время убийства Цезаря, как пишет Плутарх, «раненый Цезарь кричал по-латыни: „Негодяй Каска, что ты делаешь?“, а Каска — по-гречески, обращаясь к брату: „Брат, помоги“!» (Plut. Ces., 66). Плутарх приводит и много случаев цитирования.

Римляне также могли писать по-гречески, чтобы их сочинения были доступны ученому греческому миру. Так, Цицерон написал по-гречески записки о своем консульстве и просил Аттика сделать так, чтобы они стали известны в Афинах (Cic. Ep., XXVII, 1, 2). Атик в ответ тоже написал сочинение о консульстве Цицерона и тоже по-гречески. Плутарх рассказывает, что Лукулл одинаково хорошо владел и латынью, и греческим и в молодости даже поспорил с друзьями, оратором Гортензией и историком Сизенной, что напишет историю марсов стихами или прозой, на латыни или на греческом, как выпадет жребий. Ему выпало писать прозой и на греческом. Плутарх знал о существовании какой-то истории марсов на греческом языке и считал, что это может быть история Лукулла (Plut. Luc., 1). В принципе все римляне из высших слоев общества должны были владеть греческим языком. Но этому противоречит многое. Варрон в «Академическом

²⁰ Шопина Н. Р. Папирусные свидетельства об обучении неродному языку в греко-римском Египте // ВДИ. 1992. № 2. С. 111.

сочинении» Цицерона говорит, что те, кто хотят познакомиться с греческой литературой, прочтут ее и по-гречески, а те, кто не прочтут по-гречески, не будут читать и на латыни. Таким образом, он отказывается в образованности тем, кто не владеет греческим языком. Цицерон с ним соглашается в общих чертах, но возражает, что отечественную литературу стали бы читать и те, кто владеет греческим, и те, кто его не знает (Cic. Acad., I, 2–3). И действительно, опрометчиво было бы утверждать, что греческим владели все в Риме (естественно среди знати), поскольку мы знаем, что даже Август так толком и не выучил греческий и должен был написать речь сначала по-латыни, а затем переводить на греческий (Suet. Aug. 89, 1).

Но все же большинство римлян могли спорить только о степени владения греческим языком. Цицерон очень гордился своим греческим. «Этому греческому грек завидует», — пишет он о языке своего сочинения о консульстве (Cic. Ep., XXVI, 6). Вообще римлянам было присуще желание быть лучше греков. Так, Плутарх пишет о том, что Аполлоний Молон, выслушав речь Цицерона, опечалился за Грецию, утратившую первенство в красноречии. Этот сюжет, видимо, возник в прославлявшей Цицерона историографии, но он, конечно, был приятен любому римлянину. Цицерон отмечает, что римляне превзошли греков во всем, осталось только превзойти их в науке. Цицерон посвятил свои занятия этой цели. Он пишет, что римляне могут создать что-нибудь стоящее в области философии (Cic. Tusc., I, 1–2).

Однако если греческая культура вызывала у римлян зависть, то сами греки пробуждали скорее отрицательные эмоции. Цицерон пишет что достичь с ним дружбы удастся немногим, особенно грекам (Cic. Ep. Fam., XIII, 78). Он выделяет национальные качества греков, которые ему не симпатичны: лживость, легкомыслие, угодливость, служение не долгу, а обстоятельствам (Cic. Ep. LIII, 4, 14). Жизнь в Афинах кажется Цицерону нелепой (Cic. Ep. CXIX, 1). Но он возмущается не только нравами греков. Он упрекает и их научные методы. Цицерон пишет, что чуть было не поверил слухам, как какой-нибудь грек-историк (Cic. Ep., CCLII, 17–18). Кроме того, грек-оратор для римлянина — это прежде всего школьный учитель. Поэтому в трактате Цицерона «Об ораторе» Красс, когда его просят порассуждать на отвлеченную тему, возмущается: «Вы хотите, чтобы я, как какой-нибудь грек, может быть, ученый, может быть, развитой, но досужий и болтливый, разглагольствовал перед вами на любую тему, которую вы мне подкинете?» (Cic. De Orat., I, 22). Таким образом, он считал, что греки с удовольствием используют софистический метод, не думая о здравом смысле, о практичности своей речи, житейской мудрости.

Поколение рубежа I–II вв. до н. э. еще не проявляло откровенно-

го уважения к греческой культуре. Так, Красс у Цицерона говорит, что хорошо бы было, если бы наши ораторы вообще не были знакомы с греческой наукой (Ibid., III, 36). И даже Цицерон, который в письмах и в своих сочинениях не скрывает своего увлечения греческой культурой, в речах изображает невежество. Так, например, в речи против Верреса он говорит: «Из них одна, мраморное изображение Купидона, изваяна Праксителем; как видите, я, производя следствие по делу Верреса, заучил даже имена художников» (Cic. In Ver. IV, 4). Здесь он изображает себя совершенно чуждым греческого искусства, и объясняет любовь к нему греков их странной особенностью (Ibid., 124).

Итак, греки лживые, ленивые, болтливые, досужие и угодливые. Однако, как это ни парадоксально, римляне считали, что именно у греков, т. е. греческих философов, можно научиться нравственности. Например, еще Катон Старший учился у пифагорейца Неарха, и в результате, «слушая эти речи, он еще более полюбил простоту и умеренность» (Plut. Cat. Maj., 2). Часто римлянин и выбирал себе учителя больше по нравственным качествам. Так, Брут избрал себе наставником не Антиоха Аскалонского, а его брата Ариста, в искусстве рассуждений стоявшего позади многих философов, но никому не уступавшего воздержанием и кротостью нрава (Plut. Brut., 2). А Цицерон слушал Филона, поскольку «он из всех внушал римлянам восхищение и любовь не только своим учением, но и нравом» (Plut. Cic., 3). По той же схеме описывают и то, что привлекло Цезаря и Цицерона в Аполлонии Молоне: «он славился не только ораторским искусством, но и своими нравственными достоинствами» (Plut. Ces., 3). Возможно, римляне стремились держать при себе или поддерживать знакомство с философами и риториками, которые отличались нравственными достоинствами, в качестве некоей компенсации.

Как отмечалось, греки, живя в Риме, не могли существовать самостоятельно. До того, как Цезарь даровал римское гражданство всем преподававшим благородные искусства и врачам, жившим в Риме (Suet. Jul., 41,3), чтобы привлечь их в Рим, грекам было совершенно необходимо покровительство знатных римлян (впрочем, они предпочитали приобретать его и позже, чтобы получить доступ в высшие круги). Однако греки, не являясь римскими гражданами, все-таки не были совершенно устранены от политической жизни в Риме. Если грек постоянно находился в свите римлянина, тот мог пользоваться его советами. Некоторые, как, например, Феофан, включались в политическую жизнь настолько активно, что среди политических дел терялась их деятельность научная. О том, что римляне посвящали греков в самые сокровенные детали своей политической жизни, свидетельствует

случай с Артемидором из Книда, который на почве греческой литературы сошелся с кружком Брута и узнал все о заговоре.

Греки, очевидно, вникали в проблемы тех римлян, которые им покровительствовали. Но и греки, жившие в Азии, беседовали с приезжавшими к ним римлянами о политике. Так, когда Помпей приехал на Лесбос, после Фарсальского сражения, к нему пришел Кратипп, перипатетик, и пытался подбодрить Помпея, который жаловался на судьбу (Plut. Pomp., 75). Вообще Кратипп, как нам кажется, охотно общался с теми, кто противостоял в данный момент «официальному Риму». Так, в то время, когда он встретился с Помпеем, он обучал находившегося на Митилене Гая Марцелла, удалившегося в изгнание после победы Цезаря (Cic. Brut., 250). У него же обучался и Брут, удалившийся в Афины после убийства Цезаря (Plut. Brut., 24).

Беседовал с римлянами о политике и Антиох Аскалонский. Так, если верить Плутарху, Цицерон, обучаясь в Афинах, мечтал не участвовать в политической жизни, а заниматься лишь философией. Но Антиох «настоятельно советовал посвятить себя государственным делам» (Plut. Cic., 4). И тогда Цицерон оставил философию и стал больше времени уделять красноречию, готовя себя к деятельности на форуме.

Вникая в политические дела, греки не только заботились о выгоде покровителей, но и могли решать проблемы своего города. Так, Плутарх пишет о двух случаях, когда греческим городам была дарована свобода благодаря происходившим из них интеллектуалам-грекам. Помпей дал свободу Митилене ради своего любимца Феофана (Plut. Pomp., 42), а Цезарь объявил свободными граждан Книда в Азии ради составителя мифов Феопомпа (Plut. Ces., 48).

Греки и сами приезжали в Рим в качестве послов от своих городов. Примечательно, что весьма часто это были известные риторы и философы. Так, философ Посидоний приезжал к Марию в качестве посла от Родоса (Plut. Mar., 45). Аполлоний Молон также приезжал в Рим послом от Родоса к Сулле (Cic. Brut., 312). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 155 г. до н. э. в Рим было послано посольство из глав философских школ. Греки предпочитали отправлять в Рим послов-философов, а в Риме любили их принимать. Цицерон считает, что греки отправили в Рим философов потому, что римляне любили с ними общаться: «... никто бы их не вызвал из их училищ и не избрал бы для такого поручения, если бы в те времена иные наши первые люди не отличались уже усердием к науке» (Cic. Tusc. IV, 5).

Итак, сформулируем некоторые выводы. Особенностью римской интеллектуальной жизни было широкое участие в ней греков. С одной стороны, греки появились в Риме в качестве рабов и, став вольноотпущенниками, осваивали занятия, которые закрепились в Риме

преимущественно за уроженцами восточных областей. Это профессии в области развлечений и зрелищ (актеры, музыканты и пр.), медицины и, конечно, педагогики. В качестве вольноотпущенников римляне всегда сохраняли связи с прежним патроном или находили новые связи в среде римской знати. Представители римской элиты охотно шли на подобный контакт, а часто и сами его искали, обзаводясь нередко целой свитой образованных греков. Греки играли роль воспитателей детей этих римлян, их библиотекарей, собеседников, помощников в научных занятиях, советников и панегиристов. Часто они вникали в политические вопросы, волновавшие их покровителя, и нередко пользовались большим влиянием. С другой стороны, интеллектуалы-греки, которые имели высокий статус в самой Греции, на Родосе или в азиатских городах, тем не менее также заводили знакомства в среде римской интеллектуальной элиты, например, главы философских и риторических школ — Посидоний, Аполлоний Молон, Филон из Лариссы, Антиох из Аскалона.

Римская система ценностей рубежа эр, безусловно, включала в себя греческую образованность в качестве необходимого компонента, а греческая культура была чрезвычайно популярна. Однако, несмотря на все уважение, которое римляне испытывали к греческой учености, несмотря на уважение и дружбу, которые питали к своим учителям и спутникам, римским обществом был сформирован в целом негативный образ грека, что не мешало последним играть определяющую роль в римской интеллектуальной жизни.

М. М. ШАХНОВИЧ

РИМСКИЙ ЭПИКУРЕИЗМ: ЭТИКА И ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ*

Учение Эпикура было известно в Риме еще в конце III в. до н. э. Так, Цицерон в трактате «О дивинации», приводя отрывок из трагедии Энния (239–169 гг. до н. э.) «Теламон», сообщал, что несколькими стихами выше Энний утверждал, что «боги, хотя и существуют, но совсем не заботятся о том, что творит род человеческий» (Cic. Div. 1, 58; 1, 32), т. е. высказывал эпикурейскую точку зрения о богах¹.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 02-03-18255а

¹ Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 241.

© М. М. Шахнович, 2003